

Кузнецкие благотворители

Кузнецк XIX века - административный центр одноименного уезда на юго-восточной окраине России. Обычный сибирский город, добрая половина жителей которого жила за счет сельского труда. Три улицы, две площади - Базарная и Соборная. Население в начале века - менее тысячи, к концу - около трех. Сосланный в Алтайский горный округ в 1860-е годы молодой журналист

радикального направления Леонид Блюммер, описавший наш город под именем Ковальска (намек прозрачный: коваль - по-польски кузнец), вывел его в неприглядном свете. “Самое бесшабашное пьянство, сильнейшее взаимное мордобитие служилого и неслужилого элементов, сплетни и кляузы не нарушали общей гармонии”. Далее про то, что городничий “измышлял елико возможно способы собирать с граждан посильную или непосильную дань; что исправник из крестьян щипал дрова и лучину, а инородцам не всегда оставлял самое их душу; что откуп вместо спирта продавал воду, настоенную на дурмане; что городской староста Зубов три раза объявлял себя банкротом и дружелюбно отделялся по гривне за рубль...”

Совсем другими глазами смотрел на родной Кузнецк Иван Семенович Конюхов, проживший в нем долгую 90-летнюю жизнь и оставивший потомкам свою “Кузнецкую летопись”. Родился в Кузнецке, как и многие поколения его предков с XVII века, и умер в Кузнецке. Конечно, прослужив несколько лет городским судьей, он тоже наблюдал темную сторону провинциальной жизни. Описанные им в “Летописи” происшествия вполне могли бы стать достойным украшением криминальной хроники нынешних местных СМИ. Но видел И.С. Конюхов и другое. На его глазах среди сплошной деревянной застройки улиц появляются первые каменные здания, придающие Кузнецку сходство с настоящим городом. Автор подробно описывает их появление одно за другим. И наблюдение за этим процессом наводит на некоторые мысли и сравнения.

Вот, к примеру, купец Иван Муратов, кстати, из деревенских, поставил себе первый в городе каменный частный дом, сразу выделивший его даже в числе состоятельных горожан и недвусмысленно заявивший о его богатстве. Но прежде он потратил немало времени и денег на постройку каменного здания Одигитриевской церкви, приходским старостой которой был избран: пригласил из Иркутска артель опытных каменщиков, организовал сбор денег и сам сделал самый крупный вклад. Возведенный только после освящения храма,

таким образом, частный дом купца Муратова становился не первой и лучшей городской постройкой, а лишь второй. Не подобает православному возноситься над Господом Богом своим богатством, которым Бог его наградил. Правда, дом свой купец поставил поближе к церкви - заслужил эту привилегию своим усердием. Тогда ведь были иные принципы центрирования городского пространства, и место вблизи торговой площади и лучшего городского храма было столь же престижно как сейчас - в деловом и торгово-увеселительном центре. Муратов, продавший вскоре свой двухэтажный каменный дом и выстроивший новый - еще "круче", безусловно, был городским богачом. Но своими заботами о храме он приобрел еще один статус, нечасто упоминаемый в контексте социокультурной истории наших городов, но имевший свой смысл в системе ценностных ориентиров того времени - благотворитель. Какие общественно значимые здания в XIX веке строились и содержались на средства городского бюджета? Окружное казначейство, полиция, суд, хозяйственное управление, пожарное управление. Все остальное - забота самих горожан. Естественно, все храмы построены на "кружечные" сборы с прихожан - что называется, с миру по нитке. Но были и крупные личные вклады, без которых сбор средств мог затянуться на годы. Так, строительство каменной Успенской церкви при городском кладбище несколько лет велось на средства, вносимые Дарьей Хабаровой, о которой известно, что она была "пожилой девицей", то есть одинокой незамужней женщиной, мещанского сословия. Она зарабатывала частными уроками, обучая грамоте детей кузнецких обывателей, в том числе и купцов, таких как тот же Конюхов, "с прочими... сверстниками". Вероятно, она не имела наследников и лучшим способом распорядиться деньгами сочла вклад в церковь при кладбище. Вспоминая усопших, помянут и ее... Может быть, что тоже важно, церковный клир позаботится о ее могиле, и она не будет заброшена.

Другой пример - надвратная Ильинская церковь на месте башни Барнаульских ворот Кузнецкой крепости. В 1870 году крепость была обращена в тюремный замок, но еще ранее часть ее строений была продана кузнецким обывателям на слом, то есть на стройматериалы. Крепостную башню купил кузнецкий купец И.И. Ивановский, а затем пожертвовал ее на постройку церкви для арестантов "во утешение содержащихся в замке". Какое, собственно, дело Ивановскому до этих самых "содержащихся" и заслуженно отбывающих свой срок? Христианское милосердие - у заключенных тоже должна быть возможность обратиться к Богу, и у них-то, быть может, еще более других. Башню разобрали до сводов, переделали в церковь, обустроили внутреннее помещение, а далее - деньги кончились. Но дело продолжил другой благотворитель - томский купец Я.И. Петров, внявший просьбам своей жены, видимо, урожденной кузнецанки. На его средства было сделано все остальное - отделка стен, крыши, пола, окон, изготовление и роспись иконостаса, приобретение церковной утвари и книг, общей

стоимостью около 15 тысяч рублей. Хотя в добродетельном даянии важна не сумма, а нравственное значение поступка, нашего расчетливого современника, наверное, интересует оценка размеров вклада. Что такое 400 рублей, внесенных Муратовым в строительство церкви? В те годы пуд (16 килограммов) пшеничной муки стоил 15 копеек, говядины - 30 копеек, лошадь можно было купить за 10 рублей, корову - за 3-4. Свой каменный дом Муратов продал за 4500 ассигнациями, что по курсу того времени немногим более 4000 рублей серебром, так что вклад его в строительство церкви составил 9-10 процентов от цены дома. В начале века кузнечане вели весьма "скромную и нероскошную жизнь": настоящий чай подавали лишь в двух городских домах и стоил он рубль двадцать за фунт; лишь немногие зажиточные носили сюртуки, а енотовую шубу горожане увидели впервые около 1810 года на приезжем купце. В 1870-е годы цены на хлеб ржаной были - 25-30 копеек за пуд, пшеничный - 50-70. Годовой бюджет окружного кузнецкого суда - 400 рублей. Можно себе представить, что такое на этом фоне 15 тысяч рублей!

"Но что же тут особенного?" - заметит наш скептически настроенный современник. Церкви и сейчас строят на пожертвования, а никаких других общественных учреждений в городе и не было. Но это не так - поле деятельности для благотворителей было обширным: больницы, богадельни, школы, даже солдатские казармы... Так что тему городской благотворительности есть чем продолжить. Мы привели лишь некоторые из самых ярких примеров. Что осталось от трудов кузнецких благотворителей? Как распорядились потомки их наследием? На месте Одигитриевской церкви - архитектурного памятника сибирского барокко - стена современной тюрьмы. А вместе с прежней тюрьмой XIX века сгорела в 1919 году и надвратная Ильинская церковь. Нет кладбищенской Успенской церкви, построенной трудами Дарьи Хабаровой, как нет и самого кладбища - места последнего упокоения благотворительницы и других кузнечан, заботившихся о благоустройстве родного города. Стерты их могилы с лица земли, стерты их имена из памяти горожан. В чем же тогда смысл и польза активной благотворительности? Стоит ли думать о потомках, чья память так коротка, а благодарность столь сомнительна? Памятник все равно не поставят и мемориальную доску не повесят. А ведь можно хотя бы памятную доску: например, на доме купца Муратова, на доме И.С. Конюхова (предположительно, это так называемый "дом купца Фонарева") - такой-то и такой-то, то-то и то-то сделал для города... Тогда наша история обретет имена и лица, и окажется, что она не так уж бедна достойными фактами. И, что не менее важно, это было бы началом восстановления в общественном сознании достоинства и статуса благотворителя и благотворительности. Ведь это явление столь редко в нынешней общественной жизни не только потому, что люди меньше думают о вечном, но и потому, что таково отношение данного конкретного сообщества к сохранению исторической памяти. Есть

примеры, и они не единичны, благотворительной поддержки детских домов, больниц, школ. Значит, есть благотворители, сознающие свой общественный долг перед теми, кто нуждается. Только ведь духовное здоровье, частью которого является чувство укорененности, связи со своими предками, уважение к своей истории, не менее важно для сообщества, чем физическое здоровье и материальное благополучие. Богатство - тогда предмет уважения, а не зависти, когда оно социально ответственно. Ясно, что чувством социальной ответственности должны обладать не только богатые. Но другие члены сообщества проявляют его по-другому - они вкладываются своей активностью, знаниями, может быть, особо чутким пониманием духовных потребностей общества. Только объединение усилий и вкладов позволит как-то изменить среду, в которой мы живем.